

Первая Российская Государственная дума

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
П26

П26 Первая Российская Государственная дума / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 162 с.

ISBN 978-5-458-52349-3

Возникновение Государственной думы - один из самых величайших и торжественных моментов в русской истории. Государственная дума Российской империи I созыва провела одну сессию и просуществовала 72 дня, с 27 апреля 1906 по 8 июля 1906 года, после чего была распущена императором. Предлагаемая книга большей частью представляет собой альбом портретов депутатов первой Российской Государственной думы с краткими биографическими сведениями. В книге также содержатся статьи : Исторический обзор народного представительства в России, Какая Государственной Думе предстоит работа, Чего Дума должна добиваться.

ISBN 978-5-458-52349-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Возникновеніе Государственной Думы—одинъ изъ самыхъ величайшихъ и торжественнѣйшихъ моментовъ въ русской исторіи.

Какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни цѣлаго народа бываютъ разные психологическіе моменты. Бываютъ моменты, такъ сказать, торжественно-героическіе, когда народу везетъ и обстоятельства для него складываются такъ, что ему безъ особеннаго труда удастся проявить свой геній, но бываютъ и моменты трагическіе, роковыя, когда все у него валится изъ рукъ и въ силу какихъ-то роковыхъ обстоятельствъ онъ становится на краю гибели. Въ такіе моменты все зависитъ отъ генія народа: угадаетъ онъ тотъ поворотъ и спасительный шагъ, который ему нужно сдѣлать для того, чтобы не попасть въ пропасть, и онъ не только можетъ спастись, но еще можетъ завоевать себѣ свѣтлое будущее, а не угадаетъ — и онъ погибъ.

Переживаемый въ настоящее время Россіей историческій моментъ именно одинъ изъ такихъ трагически-роковыхъ моментовъ, когда русскому народу поневолѣ пришлось сдѣлать рѣшительный поворотъ для того, чтобы спастись отъ той пропасти, къ которой привела его бюрократія. И результатомъ этого спасительнаго движенія въ другую сторону была Государственная Дума.

„Государственная Дума“ сама по себѣ еще не даетъ людямъ счастья, но это именно та историческая столбовая дорога, по которой народъ, безъ опасенія попасть въ болото, можетъ добраться до чего-нибудь толковаго, осмысленнаго. Ничего не значить, что это монументальное, величественное, государственное зданіе у насъ еще только вчернѣ, и много еще придется русскому народу затратить труда, энергіи для того, чтобы завершить его — ничего не значить. Исторія никогда ничего сразу не дѣлаетъ. И прежде чѣмъ создать что-нибудь художественное, величественное и вполнѣ законченное ей приходится много поработать и затратить не только много времени, труда, но и массу драгоцѣннаго человѣческаго матеріала. Но за то никто и ничто ужъ не можетъ заставить ее отказаться отъ разъ созданнаго ею плана и начатой работы; она всегда закончитъ то, что начала. И величественное, монументальное государственное зданіе несомнѣнно будетъ закончено. Вотъ почему такъ великъ, торжествененъ моментъ возникновенія этого зданія; такого торжественно-величественнаго момента еще не было въ Русской исторіи.

Русскій народъ росъ, крѣпъ, собирался съ силами, расширялъ свою землю, покорялъ другіе народы, создалъ одно изъ величайшихъ въ мірѣ государствъ, но у него не было того, что даетъ устойчивость и прочность государству: у него не было правового порядка. Порядокъ, существовавшій въ Россіи до Государственной Думы, былъ установленъ не для гражданъ, а для рабовъ, крѣпостныхъ. И только въ Таврическомъ дворцѣ русскій народъ, въ лицѣ своихъ представителей, громогласно, торжественно заявилъ, что онъ ужъ больше не рабъ,

крѣпостной, а народъ свободный и хочетъ зажить новой, общечеловѣческой жизнью. Правда, этотъ голосъ еще всячески старается заглушить та наемная, бюрократическая клика, которая до сихъ поръ самовластно распоряжалась судьбами русскаго народа, но это ничего не значитъ. Голосъ цѣлаго, свободнаго народа заглушить нельзя: онъ сильнѣе грома небеснаго. И первая Государственная Дума, гдѣ впервые раздался этотъ могучій голосъ, несомнѣнно, будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ переживаемаго Россіей великаго историческаго момента; ибо что можетъ быть величественнѣе въ жизни народа, какъ моментъ его освобожденія изъ рабства и возрожденія въ немъ „человѣка“ и „гражданина“. И поэтому-то весь міръ съ такимъ вниманіемъ слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ въ Таврическомъ дворцѣ. Въ этомъ дворцѣ, созданномъ руками крѣпостныхъ, совершилась великая тайна рожденія свободнаго русскаго народа, который на глазахъ у всѣхъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и который успѣлъ показать такіе зубки, отъ которыхъ многимъ ужъ не поздоровилось.

И по нашему черту этого феноменальнаго, богатырскаго, рожденнаго въ такихъ, почти сверхъ-естественныхъ, мукахъ и страданіяхъ, ребенка не должны исчезнуть; они должны быть начертаны и сохранены для потомства. Когда младенецъ войдетъ въ возрастъ, окрѣпнетъ, начнетъ проявлять свою силу во всю, онъ ужъ будетъ не такъ интересенъ; громадный интересъ онъ представляетъ только теперь. Вотъ побудительная причина, которая заставила насъ предпринять предлагаемое изданіе. Насколько намъ удалось выполнить эту задачу— пусть судить читатель. И если читатель найдетъ въ нашемъ изданіи какіе-нибудь недочеты, упущенія, то пусть онъ приметъ во вниманіе время, въ которое намъ пришлось его выпустить, ту массу труда, хлопотъ (по добыванію карточекъ, біографическихъ свѣдѣній), съ которыми подобное изданіе сопряжено, — пусть, говоримъ мы, приметъ онъ это во вниманіе — и пусть это послужитъ намъ извиненіемъ.

Историческій обзоръ народнаго представительства въ Россіи.

I.

Учрежденіе Государственной Думы (при условіи дальнѣйшаго ея совершенствованія) является крупнѣйшимъ историческимъ актомъ; отнынѣ въ Россіи установлено участіе народной массы въ управленіи страной.

Такимъ образомъ, Государственная Дума является началомъ совершенно новаго періода въ нашей народо-государственной жизни.

Однако тысячелѣтная исторія Россіи свидѣлствуетъ, что уже съ древнѣйшихъ временъ, въ княжескій и еще до Московскаго и вѣчевого Новгородъ-Псковскаго періодовъ, имѣлись у насъ зачатки народнаго представительства и различные способы проявленія воли всей народной массы. Впослѣдствіи, сначала Москва, а потомъ въ теченіе вѣковъ до самаго послѣдняго времени государственное управленіе отчаянно боролось со всѣми формами и проявленіями народо-властія, и имъ дѣйствительно удалось смести ихъ, окончательно и безслѣдно. Особенно въ новѣйшій, начиная съ Петра, періодъ нашей исторіи мощно проникли и укрѣпились такіе приемы и средства государственнаго и общественнаго управленія, которыми подавлялась не только свобода народа, но и всякое проявленіе его дѣятельности. На почвѣ этого управленія не могъ произрасти ни одинъ ростокъ отъ живой работы не только всего народа, но и частей его, сословій, общественныхъ группъ и проч. Даже первичные сельскіе порядки въ главныхъ и второстепенныхъ ихъ чертахъ, напримѣръ, самыя земскія учрежденія послѣднихъ десятилѣтій не имѣли на себѣ слѣдовъ самостоятельной народной или общественной дѣятельности.

Подумайте-же, читатель, что могло быть достигнуто тысячелѣтнымъ непрерывнымъ гнетомъ и преслѣдованіемъ всякаго проявленія народнаго разума и справедливости. Во что должна была обратиться страна, въ которой не допускались живительная народная мысль и плодотворная ея работа. Въ то время, когда во всемъ, причастномъ къ цивилизаціи міръ, подъ

вліяніемъ новыхъ культурныхъ средствъ, смѣна жизненныхъ явленій происходила съ особой быстротою—у насъ укрѣплялся застой, одобрялись скудоуміе въ той или другой степени, формѣ, варварство и дѣлалось обязательнымъ рабство. Ничуть не удивительно поэтому, что у многихъ выработалось мнѣніе, что весь ужасъ прошедшей исторической и современной русской жизни съ ея великими народными бѣдствіями, произволомъ, царствующимъ надъ народомъ, есть слѣдствіе роковыхъ расовыхъ чертъ. Эти черты, молъ, неизмѣняемы, и въ нихъ—какъ полагали, напримѣръ, нашъ знаменитый Чаадаевъ и другіе—лежатъ причины всѣхъ отечественныхъ золъ.

Свидѣтельства лѣтописей до-московскаго времени очень немногочисленны, кратки и отрывочны, но всѣ они твердятъ о „рядѣ“ (договорѣ) князя съ народомъ, „мужами, старцами“, духовенствомъ, боярами и проч. Княжеская дума не была постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ. Это было не въ духъ первыхъ вѣковъ образованія русскихъ княжествъ, изъ которыхъ сложилось потомъ главное ядро безпредѣльной россійской имперіи. Не существуетъ никакихъ указаній, чтобы народъ имѣлъ обыкновеніе ставить кого-либо между собою и княземъ въ качествѣ постоянныхъ его совѣтниковъ, но жалованная грамота, напримѣръ, Ростислава Мстиславича смоленскаго епископи дана была „по душѣ съ людьми своими“, а грамота Всеволода Новгородскаго о церковныхъ судахъ упоминаетъ о думѣ съ сотскими, старостами и боярами. Лѣтописецъ говоритъ (997 г.), что Владиміръ Мономахъ „думалъ съ дружиною о строѣ земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ“. Къ обсужденію вопроса о вѣрѣ князь Владиміръ призывалъ не только бояръ своихъ, но и „старцевъ градскихъ“, т. е. людей неслужилыхъ; вопросъ касался всего населенія, и безъ участія послѣдняго въ совѣщаніи черезъ представителей не могъ быть разрѣшенъ. „Старцы“ приглашались Владиміромъ и въ другихъ случаяхъ; какъ люди неслужилые, старцы град-

скіе призывались имъ въ интересахъ населенія, представителей котораго онъ желалъ привлечь къ обсужденію вопросовъ законодательства. Составъ совѣтниковъ, которыхъ князья привлекали въ свою думу, былъ такъ разнообразенъ, что по мѣткому выраженію професс. Сергѣевича, мы имѣемъ передъ собою не постоянное, учрежденіе, „не думу, а думцевъ“. Дѣйствительный составъ думцевъ того или другого князя легко могъ отступать отъ общепринятаго. Лѣтописи отмѣтили нѣсколько такихъ случаевъ. Черниговскій князь Святославъ, напимѣръ, однажды рѣшилъ начать войну „сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ, милостникомъ своимъ, и не повѣдѣ сего мужемъ своимъ и лѣпшимъ думы своею“. Были въ древности и такіе князья, которые вообще не любили никакихъ совѣщаній. О галицкомъ князѣ Владимірѣ лѣтописецъ говоритъ: „бѣ бо любезни въ питію многому и думы не любяшеть съ мужми своими“. За то встрѣчаются извѣстія, согласно которымъ князь привлекалъ въ думу не только „мужей“ и не только свою удалую дружину, но иногда и весь народъ. Такъ, вѣче превратилось въ княжью думу, когда Изяславъ Мстиславичъ, задумавъ воевать съ своимъ дядею Юріемъ—онъ призываетъ на совѣщаніе „бояры свои, всю дружину свою, Кіянъ, и рече имъ“...

Извѣстенъ, впрочемъ, случай, что легкомысленный волынкій князь Владиміръ Мстиславичъ затѣялъ войну, не посоветовавшись съ народомъ о принятомъ рѣшеніи. И народъ отказался слѣдовать за нимъ, объясняя: „о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ къ тобѣ, мы того не вѣдали“. Жестокое пораженіе потерпѣлъ князь въ этой бранной затѣѣ безъ предварительнаго совѣщанія. Зависимость князя отъ думцевъ была, такимъ образомъ, не безусловная; князь могъ дѣйствовать и безъ нихъ, на собственный страхъ, если у него было достаточно для этого силъ. Неопредѣленность связи между княжескою думою и княземъ заключала въ себѣ тотъ главный недостатокъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ, тѣ по преимуществу невыгодныя для народной жизни условія, благодаря которымъ эти зачатки народнаго представительства могли постепенно вырождаться, а съ наступленіемъ Московскаго историческаго періода на Руси—почти безслѣдно исчезнуть. Москва все старое передѣлала на новое и положила начало той государственности, которою поглощались всѣ виды собственно народной и общественной дѣятельности, самые способы проявленія последней. (Проф. В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности).

II.

До наступленія Московскаго историческаго періода жители Великаго Новгорода и Пскова пользовались правами самоуправляющихся государствъ. Управлялись они народнымъ собраніемъ и вѣче. Какъ и всѣ учрежденія древне-русскаго быта, послѣднее не было чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ; всякое народное сходбище, въ которомъ мірянами обсуждались общественныя,

свѣтскія или церковныя дѣла, носило названіе вѣча. Сходбища военной дружины точно также именовались вѣче. Въ Новѣ-Городѣ, отдѣльно отъ всякаго другого народнаго собранія, существовало, впрочемъ, еще большее вѣче, составлявшее верхъ законной власти. На немъ устанавливались приговоры по управленію, договоры съ князьями и иностранными землями, объявляли войну, заключали миръ, избирали духовныхъ владыкъ; на немъ-же опредѣлялись общія торговыя права и достоинства монетъ, рѣшали дѣла по построенію міромъ церквей и монастырей. Вмѣстѣ съ этимъ, т. е. съ властью законодательною и, частью, исполнительною, большое вѣче было также и высшей судебной инстанціею, особенно въ дѣлахъ по нарушенію общественнаго права. Хотя за послѣднимъ зорко слѣдили, но всегда дѣлались попытки подрывать его; посягательства на общественное право не прекращались ни въ Новгородѣ, ни во Псковѣ, и едва устранилось одно, какъ являлось новое, другое.

Дѣло въ томъ, что и большое вѣче, въ свою очередь, отличалось неопредѣленностью въ отношеніи какъ характера дѣлъ, которыми оно вѣдало, такъ и самаго его состава. Подробностей относительно его существованія такъ мало—по свидѣтельству лучшаго историка сѣвернорусскихъ народоправствъ, Костомарова,—что многіе важнѣйшіе вопросы остаются неразрѣшенными. Вся невыгодность неопредѣленныхъ чертъ вѣча, какъ большого, такъ и всякаго другого, особенно ярко сказалась съ момента натиска московскаго единодержавія на вольности Новгорода и Пскова. На народныя собранія, соответствующія понятію малаго вѣча, стали тогда смотрѣть очень косо, и именно какъ на „скопище буяновъ, разбойниковъ и коромольниковъ“. Впрочемъ, еще раньше, благодаря той-же неопредѣленности вѣча, сильныя новгородскіе и псковскіе круги заботились о возможномъ уменьшеніи значенія народныхъ собраний. Въ Новгородской лѣтописи названъ вѣчемъ—заговоръ недовольныхъ архимандритомъ Есипомъ, и отзывъ объ этомъ заговорѣ, состоявшемся на вѣче, былъ такой: „изволеніемъ діаволими всташа простая чадь на архимандрита Есипа, и совориша вѣче“. Когда случались разногласія въ Новгородѣ и разомъ возникали противныя другъ другу собранія народа, каждое изъ нихъ равнымъ образомъ называлось вѣче, и, при недостаткѣ правосознанія, старанія о взаимномъ униженіи приводили часто къ полному съ той или другой стороны отрицанію вѣчевыхъ постановленій. Тамъ, гдѣ было несомнѣнное полномочіе на постановленіе, послѣднее противной стороною просто не признавалось или-же даже считалось преступнымъ, незаконнымъ. Неизвѣстно, имѣлся-ли какой-нибудь способъ повѣрки приходившихъ на вѣче. Едва-ли тогда существовалъ таковой. Мѣсто отправленія собраний на воздухъ и сзывъ звономъ колокола заставляють предполагать неудобства для повѣрки участниковъ въ собраніи. Неизвѣстно также, существовали-ли опредѣленный способъ сбора голосовъ, или дѣла рѣшались при посредствѣ просто

восклицаний участников собранія. Дѣла рѣшались, повидимому, не на основаніи прочно установленныхъ правилъ объ ихъ веденіи, а численнымъ преобладаніемъ голосовъ, которому, вѣроятно, могло быть не чуждо и простое насилие въ интересахъ того или другаго постановленія.

Въ то же время право присутствованія на вѣче нимало не ограничивалось, и въ этой свободѣ собранія сказывается полнѣйшая разумность. Всѣ граждане, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре и могущественные тогда представители торговаго сословія, такъ и „черные“ люди, имѣли право быть на вѣче дѣтельными членами. Цензовъ не существовало. Но одни-ли только Новгородцы, т. е., жители города, или всей Новгородской Земли могли участвовать на вѣче—не вполне извѣстно; изъ классовъ народныхъ, упоминаемыхъ въ грамотахъ, видно, что тамъ участвовали посадники, бояре, купцы, жите, простонародье и черные люди. Бояре-землевладѣльцы само собою были уже представители не города, а всей земли. Жившіе постоянно въ отдаленной землѣ бояре все-таки назывались Новгородцами; точно также и купцы составляли классъ по занятію, а не по мѣсту жительства, и, слѣдовательно, пользовались правомъ участія на вѣче, хотя бы они и не жили въ самомъ Новгородѣ. „Житые“ люди присутствовали на вѣче въ качествѣ жителей округовъ („концовъ“) Новгородской Земли; изъ нихъ, по выбору, въ Новгородѣ составлялись посольства въ страны и области, которыми интересовалось дѣятельное народоправство. Что касается черныхъ людей, то ихъ участіе на вѣче несомнѣнно, но какъ оно происходило, неизвѣстно: тѣ-ли только участвовали, которые жили въ городѣ, или же также присылали выборныхъ изъ разныхъ частей Новгородской Земли. Жившіе въ пригородахъ могли принимать участіе на вѣче, какъ пригорожане.

Судя по чертамъ описанія послѣдняго вѣча во Псковѣ, возвышеніе, куда вели ступени, служило трибуной. Съ него говорили къ народу. Оно находилось у вѣчевой башни: въ ней помѣщалась „вѣчевая изба“,— т. е. канцелярія вѣча. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамоту: для этого существовала должность дѣяка (секретаря). Къ грамотѣ прикладывалась свинцовая печать, которая привѣшивалась къ грамотамъ снурками. (*Н. Костомаровъ*). Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада).

Вѣчевая вольности были, однако, какъ мы уже упомянули, совсѣмъ не по душѣ московскому единовластвителю. Иванъ Грозный, признававшій себя государемъ „Божіимъ изволеніемъ, а не многоятежнаго челоувѣчества хотѣніемъ“, особенно ненавидѣлъ всякія вѣчевыя проявленія. Онъ, который едва только узнавъ о значеніи палаты общинъ въ Англіи, писалъ английской королевѣ Елизаветѣ: „мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь, а у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не токмо люди, а мужики торговые (т. е. палата общинъ), а ты пребы-

ваешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая (заурядная) дѣвица“, онъ естественно не могъ вынести самой мысли о какомъ-то народоправствѣ въ Новгородѣ, Псковѣ и разныхъ другихъ городахъ. Послѣ того какъ его отецъ и дѣдъ уже шли войною на Новгородъ, Грозный нанесъ послѣднему такой ударъ, отъ котораго онъ не могъ оправиться. При посредствѣ преданныхъ ему дворянъ, собравъ въ 1560 году множество войска и всѣхъ своихъ опричниковъ, онъ направился съ этой грозной силою въ Новгородъ. По дорогѣ города Клинь, Тверь, Торжокъ и другіе были первыми жертвами отрядовъ, шедшихъ съ нимъ на грабежъ, убійства и насилія. Главная цѣль неистовствъ Ивана IV заключалась въ устрашеніи народа, продолжавшаго питать симпатіи къ своимъ прежнимъ правопорядкамъ, находившимъ защиту въ Новгородѣ. Достигнувъ главнаго очага народныхъ вольностей, послѣ цѣлыхъ рядовъ массовыхъ убійствъ, послѣ преданія огню деревень и разграбленій опричниками купеческихъ товаровъ, Грозный собралъ, прежде всего, знатнѣйшихъ жителей и повелѣлъ терзать ихъ, по выраженію лѣтописца, „неисповѣдимыми муками“. Долгія недѣли продолжалась царева ярость въ видѣ обезлюденія и лишенія средствъ богатаго города и окружающаго его края. Только тогда, когда онъ воочію убѣдился въ покорности ему новгородцевъ, въ томъ, что силы ихъ сломлены и что—какъ онъ самъ объ этомъ говорилъ,— „извелъ изъ Новгорода крамолу“, онъ отправился во Псковъ. Тутъ Грозный дѣйствовалъ тѣми-же приемами по части ограбленія жителей, но, благодаря какому-то суевѣрному признаку, щадилъ ихъ жизнь.

Этими актами неслыханныхъ опустошеній, грабежа и жестокости закончились настоянія жителей искони свободныхъ городовъ практиковать древнее народоправство. Могучіе ростки этой свободы, давшіе жителямъ не только зажиточность, но и богатство и представившіе имъ крупную роль въ международныхъ отношеніяхъ, были вырваны съ корнемъ и, вмѣсто нихъ, насажено было московское самовластіе въ самыхъ различныхъ его формахъ. По мѣрѣ ознакомленія жителей сѣвернорусскихъ народоправствъ съ европейской культурой и по мѣрѣ усложненія у нихъ жизни, съ сильной общественной подкладкой—народная свобода неизбѣжно совершенствовались-бы. Но историческій рокъ судилъ иное: стремленіе первыхъ сильныхъ властителей Москвы къ государственному самодержавію шло въ разрѣзъ со всякимъ проявленіемъ свободы гдѣ бы то ни было.

III.

Но одна изъ самыхъ яркихъ и прекрасныхъ чертъ народной жизни заключается въ томъ, что въ ней никогда не угасаютъ святыя огоньки свободы и челоувѣческаго правосознанія. Они пробиваются сквозь тысячи препятствій и горятъ даже тогда, когда ихъ считаютъ совершенно померкшими или вполне погасшими. Въ теченіе восьмилѣтней смуты, слѣдовавшей за смертью

Ивана Грозного, почти на каждом шагу прорывается мысль о настоятельной необходимости выборных представительных начал для устройства лучших порядков в государственной, общественной и хозяйственной жизни России. Среди полнейшего истощения крестьянского населения, крайнего обеднения в городе торгового класса, междоусобиц и взаимного истребления бояр и, наконец при совершенном отсутствии на Руси сколько-нибудь устойчивого правительства — упорядочение жизни считалось возможным только при условии народного представительства. Едва только Москва была, наконец, освобождена и поляки изгнаны, как выборы нового правительства, и именно выборы его, а не укрепление существовавшего нечто похожего на правительство, сдѣлалась главной задачей тогдашней русской жизни. Во все концы Московского государства были посланы тогда оповѣщения о необходимости выборного собрания отъ всѣхъ народныхъ классовъ, сельскихъ жителей, горожанъ, крестьянъ, торгового сословія и „служилыхъ людей“, т. е. бояр и дворянъ. Собрание состоялось въ Москвѣ, и въ каждомъ важномъ случаѣ вновь прибѣгали къ созыву такихъ собраний. При царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ Романовѣ имѣли мѣсто двѣнадцать Земскихъ Соборовъ. Нельзя не вспомнить при этомъ о Земскомъ Соборѣ, въ которомъ шла рѣчь, главнымъ образомъ, объ имѣвшемся намѣреніи вести войну съ султаномъ по поводу захвата казаками Азова. Представители крестьянъ на Соборѣ доложили слѣдующее: „мы, тяглые людишки, оскудѣли и обнищали отъ пожаровъ, отъ поставкатоčnýchъ людей (солдатъ въ арміи и ополченцы), отъ подоводъ, отъ всякихъ государственныхъ податей. И отъ великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелись розно и покидали свои дворишки“. Въ виду этого заявленія, войну не затѣяли, а, напротивъ, поспѣшили помириться съ султаномъ. Народное представительство сказало въ этомъ случаѣ во всей его справедливой мощи.

Съ того времени почти два цѣлыхъ столѣтія продолжалось на Руси укрепленіе единой самодержавной власти внѣ всякаго участія въ какой-либо сторонѣ государственнаго и общественнаго управленія народного представительства *). Съ царствованія Алексѣя Михай-

ловича вплоть до начала 19 вѣка, до царствованія Александра Перваго не возникала даже мысль о томъ, что творческое дѣло въ государственномъ управленіи возможно лишь при участіи въ этомъ управленіи выборныхъ отъ народа. Наиболее могучими проводниками началъ самовласти были Петръ I и Екатерина II-ая. Въ ихъ царствованіе за народомъ или отдѣльными сословіями не признавалось право самодѣтельности, и все и вся, сплошь до насажденія въ странѣ рабства подъ названіемъ крѣпостного состоянія, насильнически устанавливалось въ интересахъ единовласти. Позже, арачевскія затѣи имѣли тотъ же поводъ, ту-же жизненную подкладку. За эти два вѣка Россія сильно выросла въ пространствѣ, но изъ ея населенія настойчиво вышеслушивались не только всякія желанія справедливой и разумной человѣческой жизни, но и самая понятія о ней.

Правда, Александръ I-ый при своемъ вступленіи на престолъ имѣлъ намѣреніе созвать Земскій Соборъ, чтобъ сколько-нибудь улучшить государственное управленіе, пришедшее, по высказанному имъ мнѣнію, „въ неимовѣрный безпорядокъ“, но, на дѣлѣ это было ему далеко не по душѣ, такъ какъ оно грозило, во-первыхъ, осѣдоленіемъ народныхъ представителей объ этомъ неимовѣрномъ безпорядкѣ, а во-вторыхъ — возможностью со стороны представителей желанія, въпредъ контролировать правительственную дѣятельность. Скоро окружавшіе царедворцы окончательно отклонили его отъ этой мысли, опасаясь, что на Соборѣ можетъ быть поднятъ также вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, о которомъ этотъ Государь временами не разъ упоминалъ, какъ о первѣйшей его заботѣ.

Но въ Европѣ совершились чрезвычайныя и великія событія, въ которыхъ Россіи суждено было принять первенствующее участіе, и они-то послужили сильнымъ толчкомъ для возбужденія вновь въ нѣкоторой части русскаго общества мысли о необходимости участія народа въ государственномъ управленіи. „Возвратившіеся въ 1815 году въ Петербургъ послѣ походовъ въ Германію и Францію русскіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба ознакомились съ европейской цивилизаціей, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все, видѣнное ими за границей, съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ: Рабство огромнаго большинства народа, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскіхъ и ихъ патріотическое чувство“. Такъ писалъ одинъ изъ участниковъ тогдашнихъ походовъ русскихъ войскъ въ Европу. Другой современникъ, дѣлавшій тѣ-же походы, передаетъ въ слѣдующемъ видѣ свои впечатлѣнія за границей послѣ своего возвращенія домой: „Въ 1813 году императоръ обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ

*) Единственное, стоющее быть упомянутымъ исключеніе за весь этотъ продолжительный періодъ, заключается въ попыткѣ ограничить власть Анны Іоанновны при вступленіи ея на всероссійскій престолъ въ 1730 году. Попытка ни одной своей чертой не имѣла народнаго характера, исходила она отъ родовитаго царедворца, одного изъ всемогущихъ тогда князей Голицыныхъ, и увѣчалась тогда успѣхомъ настолько, что въ теченіе мѣсяца, не больше, Анна подчинялась данному ею письменному обѣщанію, — не налагать новыхъ податей, не утверждать бюджета, безъ суда „не отнимать жизни, чести и имѣнія у дворянства“ и проч. При представленіи ей, послѣ внезапной смерти Петра II-го, договора объ условіяхъ, на которыхъ она можетъ возсѣсть на престолъ, она написала „по сему обѣщаю все безъ всякаго изъятія солержать“. И хотя въ договорѣ значилось: „а буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны Россійской“, но послѣ одного мѣсяца царствованія все пошло по старому, т. е. на основаніи безграничнаго произвола ея ставленниковъ.

въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 1814 году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ спасъ ее. Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіямъ своего царственного питомца. Изъ Франціи въ 14 году мы возвратились моремъ въ Россію. Первая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ. Во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагоприятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество "...

Однородныя впечатлѣнія другъ за другомъ слѣдовали, конечно, каждый разъ, когда имѣли мѣсто не только отношенія власти къ гражданамъ, но и вообще взаимоотношенія между людьми, какъ помѣщиковъ къ крѣпостнымъ, дворянъ къ мѣщанамъ, купцамъ и проч. „Либеральныя идеи, по свидѣтельству Н. И. Тургенева, начали распространяться въ Россіи съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ - за границы. Кромѣ войскъ регулярныхъ, за границей были также большія массы ополченія: эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и рассказывали, что видѣли въ Европѣ. Это новое расположеніе умовъ обнаруживалось главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собраны были военныя силы, и особенно въ Петербургѣ, который былъ средоточіемъ дѣлового міра и гдѣ были многочисленный гарнизонъ изъ отборныхъ войскъ. „Въ Россіи, не имѣвшей свободы печати, общественное мнѣніе проявлялось исключительно въ особой, „рукописной литературѣ“. Въ этой, такъ сказать, контрабандной литературѣ обнаруживались стремленія и расположенія умовъ. Тогда явилось довольно много этого рода произведеній, замѣчательныхъ или по силѣ эпиграммы, или по высокому и поэтическому вдохновенію. До тѣхъ поръ неизвѣстныя, эти маленькія произведенія отмѣтили дни своего появленія, какъ эпоху жизни, надежды — и надо прибавить — здраваго смысла и размышленія. Даже обыкновенная печать участвовала въ этомъ движеніи умовъ. Предметы, до тѣхъ поръ недоступные публичности, были разбираемы въ серьезныхъ сочиненіяхъ. Периодическія изданія больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, занимались тѣмъ, что происходило въ другихъ странахъ, а особенно во Франціи, гдѣ пробовались тогда новыя учрежденія“.

„Правительство — продолжаетъ Тургеневъ — не только не противилось направленію, которое, повидимому, принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями показывало, что его симпатіи были согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества. Въ доказательство можно привести образъ дѣйствій императора въ Польшѣ. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, Александръ въ формальныхъ выраженіяхъ объявлялъ, что намѣренъ даровать представительныя учрежденія и самой Россіи“.

IV.

Сама Россія осталась, однако, не только безъ представительныхъ учреждений, но и со старымъ гнетомъ произвола и беззаконія. Возбужденное общество вначалѣ довѣряло высказаннымъ намѣреніямъ правительства, а потомъ, видя продолженіе прежнихъ дикихъ порядковъ, стало образовывать тайные союзы и этимъ средствомъ думало достигнуть своей цѣли. Это было классическое время тайныхъ обществъ дѣйствительныхъ и воображаемыхъ. Можно сказать, что это была особая культурная форма, въ которую, между прочимъ, складывались прогрессивныя стремленія общества, не имѣвшего другихъ средствъ для выраженія своихъ мнѣній и потребностей. Въ первое время — сообщаетъ Н. И. Тургеневъ — эти благородныя души, которыя въ послѣдствіи хотѣли, цѣною своихъ жертвъ, пробудить свое несчастное отечество изъ закоснѣнія, въ какомъ оно было погружено, — увлекались обыкновенно политическими идеями. Болѣе прозаическія, но не менѣе существенныя идеи гражданской свободы, матеріальнаго благосостоянія челоуѣка оставались въ сторонѣ. Политическое рабство одно возбуждало ихъ негодованіе. Но спѣшимъ прибавить, что при первомъ замѣчаніи ихъ ревностная забота обращалась къ тому, чтобъ найти средства стереть весь позоръ, прекратить всѣ бѣдствія своего отечества, и что ихъ первая размышленія кончались проклятіями и противъ рабства крестьянъ, и противъ жестокости военной дисциплины. Я видѣлъ, какъ эти люди, презирая всѣ выгоды своего общественного положенія, богатства, предпочитали тяжкую казарменную жизнь милостямъ и удовольствіямъ двора или развлеченіямъ и пріятностямъ путешествія. Что случилось съ ними, праведное небо! — замѣчаетъ Тургеневъ, вспоминая дальнѣйшую судьбу этихъ людей. — Надо имѣть въру во что-нибудь, чтобы не быть уничтожену, когда видишь, что такая преданность и такое самоотрицаніе кончаются такимъ несчастіемъ и такими бѣдствіями“. (А. Н. Пытинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I).

Всѣ члены этихъ тайныхъ обществъ были въѣдъ составной частью народа, который такъ самоотверженно возсталъ въ 1812 г. противъ нашествія французовъ, который столько трудовъ и доблести положилъ на дѣло освобожденія Европы, который принесъ отечеству и долгу столько жертвъ, и этотъ народъ остался по прежнему въ рабствѣ у помѣщиковъ и правительственныхъ чиновниковъ: „освободивъ отечество, освободивъ другихъ, онъ не завоевалъ свободы себѣ“.

До глубины души всѣмъ этимъ возмущенные, члены тогдашнихъ тайныхъ обществъ составили нѣсколько проектовъ иного государственнаго и общественнаго устройства. Все содержаніе проектовъ можно выразить немногими слѣдующими словами: освобожденіе крестьянъ и установленіе народнаго представительнаго правленія по лучшимъ образцамъ, тогда уже имѣвшимся

К. О. Рыльцев.

Князь
С. А. Волконский.А. А. Бестужев
(Марлинский).С. И. Муравьевъ-
Апостолъ.

И. А. Анненковъ.

Графъ
П. П. Коновницынъ.

въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы. Въ проектахъ приводилась та мысль, что для правильнаго устройства мѣстныхъ земскихъ дѣлъ необходимо, чтобы ими заведывало само населеніе, и поэтому предполагалось введеніе ряда мѣстныхъ учреждений, основанныхъ на выборномъ началѣ и непосредственно примыкающихъ къ общенародному, государственному представительству. Мѣстное самоуправленіе начиналось съ волости, въ которой должны были принимать участіе всѣ мѣстные жители и платить налоги на покрытие расходовъ. Все мѣстное самоуправленіе предполагалось учредить не такъ, какъ теперь устроены земскія учрежденія: тутъ, во-первыхъ, не было никакихъ сословныхъ преимуществъ, какъ это мы видимъ въ теперешнемъ земствѣ, а во-вторыхъ, права мѣстныхъ выборныхъ учреждений были гораздо шире. Члены тайныхъ обществъ понимали, что въ такой обширной странѣ, какова Россія, разныя мѣстности могутъ имѣть такія потребности и особенности, что ихъ гораздо лучше обсуждать и рѣшать мѣстные люди, нежели даже выборные всей страны, собранные вмѣстѣ. Поэтому-то они и представляли мѣстному самоуправленію такія широкія права: они не боялись признать за отдѣльными областями Россіи такую самостоятельность, которая въ наукѣ называется автономіей или федераціей. Они считали необходимымъ передать самоуправленію областей законодательство по мѣстнымъ дѣламъ. Надо прибавить, что

подобныхъ же началъ держался въ своихъ предположеніяхъ Александръ I.

Но всѣ перечисленныя мѣры не могли бы быть прочны, если не было преобразовано само государственное устройство. Въ этомъ и состояла главная задача тайныхъ обществъ; члены ихъ позднѣе такъ и показывали: цѣль заговора была ввести въ Россію представительное народное правленіе, а главнымъ средствомъ для этого должно было служить распространеніе представительныхъ убѣжденій. Члены тайныхъ обществъ составляли свои предположенія, какая нужна для Россіи конституція, т. е. какое лучше для Россіи представительное правленіе, какъ его слѣдуетъ устроить. Планы конституціи составлялъ также императоръ Александръ I, и не одинъ разъ, но въ нихъ считалось возможнымъ ввести новый государственный строй даже безъ освобожденія крестьянъ. Члены тайныхъ обществъ ставили себѣ эту задачу значительно шире и разумнѣе. До настоящаго времени сдѣлались извѣстными только два

Камера декабристовъ въ Гитинскомъ острогѣ (1829 г.)

проекта представительнаго государственнаго устройства, составленныя членами тайныхъ обществъ. Одинъ написанъ декабристомъ Пестелемъ, и назывался „Русская правда“, но этотъ проектъ дошелъ до насъ только въ черновыхъ; полнѣе, въ болѣе цѣльномъ видѣ дошелъ къ

намъ проектъ Муравьева, тоже декабриста. Государственное устройство по проекту Муравьева представлялось въ такомъ видѣ: государь раздѣляетъ зако-

А. В. Поджіо.

Баронъ
А. С. Розентъ.

П. И. Пестель.

Князь
А. И. Одоевскій.

Н. И. Тургеневъ.

В. К. Кюхельбекеръ.

нодательную власть съ народнымъ вѣчемъ, которое состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты представителей народныхъ, выбранныхъ прямыми выборами, и верховной думы, которая избирается областными думами. Народному вѣчу должны принадлежать права по законодательству, указанію источниковъ и распредѣленію казенныхъ средствъ, по введенію новыхъ налоговъ, надзору за всѣмъ управленіемъ и контроль дѣйствій министровъ. Права верхней палаты народныхъ представителей нѣсколько больше, нежели права нижней. Безъ согласія народнаго вѣча не можетъ быть изданъ никакой законъ; законъ, принятый народнымъ вѣчемъ, представляется на утвержденіе государя; если же какой законъ государемъ утвержденъ не будетъ, такой законъ возвращается опять въ народное вѣче, и если обѣ палаты подтвердятъ такой законъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, такой просктъ тѣмъ самымъ ужъ получаетъ силу закона, не нуждаясь въ новомъ представленіи Государю. По Муравьеву выборы какъ въ палату народныхъ представителей, такъ и всѣ мѣстные выборы основываются на извѣстномъ имущественномъ достаткѣ, цензѣ; исключеніе составляетъ только волость, гдѣ къ выборамъ привлекаются всѣ мѣстные жители поголовно. безъ ограниченій. Такая постановка выборовъ въ связи съ имуществомъ соответствовала духу тогдашняго времени. И въ Европѣ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ тогда еще не поднимался какъ теперь, когда въ его пользу говорятъ опытъ и здравый смыслъ. Надо однако замѣтить, что и тогда между членами тайныхъ обществъ не всѣ соглашались съ самимъ составителемъ проекта и высказывались противъ особыхъ преимуществъ въ государственной жизни для лицъ богатыхъ съ извѣстнымъ имущественнымъ достаткомъ. Вотъ сущность тѣхъ тре-

бованій, на которыхъ стояли тайныя общества того времени. Двумя основными задачами для нихъ являлось, какъ мы выше уже упомянули, освобожденіе крестьянъ и введеніе въ Россію народнаго представительнаго (конституціоннаго) правленія.

Между тѣмъ всю Россію въ то же время мощно давилъ аракчеевскій гнетъ. Члены тайныхъ обществъ вели свою пропаганду, которая имѣла успѣхъ. Съ каждымъ днемъ увеличивалось число членовъ тайныхъ обществъ. Не мало было лицъ, которые, не принадлежа ни къ одному тайному обществу, тѣмъ не менѣе являлись сторонниками ихъ убѣждений, отстаивали необходимость ограниченія самодержавія и чиновничьяго произвола.

Въ запискахъ нѣкоторыхъ членовъ общества не разъ упоминается о людяхъ, которые дѣйствовали въ духѣ Союза, не принадлежа къ нему,—какъ, на примѣръ, въ крестьянскомъ вопросѣ дѣйствовалъ Пассекъ, въ служебной дѣятельности Рыльевъ, до вступленія ихъ въ общество, въ литературѣ Пушкинъ. Личный составъ Союза, опредѣленная мнѣнія его членовъ, ихъ солидарность между собою, безъ сомнѣнія, содѣйствовали распространенію ихъ образа мыслей, и нѣкоторые изъ нихъ не безъ основанія въ своихъ запискахъ говорятъ о вліяніи союза на тогдашнее общество. „Въ это время — пишетъ одинъ изъ нихъ—члены Союза вполне цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно. Вліяніе ихъ въ Петербургѣ было очевидно“. (Пыпинъ).

Но все же для того, чтобы это вліяніе отозвалось сколько-нибудь замѣтно на окрѣпшемъ жизненномъ строѣ, на крестьянскомъ рабствѣ, чиновничьемъ самовластіи и на общемъ царившемъ произволѣ — оно было недостаточно и мало-по-малу

Казнены черезъ повѣшеніе 13 іюля 1826 г. на Кронверкской крутишъ Петропавловской крѣпости.

члены тайных обществ стали склоняться къ мысли о необходимости насильственных дѣйствій для достиженія осязательныхъ успѣховъ. Междуцарствіе послѣ смерти Александра I представило, какъ казалось, удобный для этого случай. Войска, успѣвшія присягнуть въ Петербургѣ Константину Павловичу, какъ преемнику престола, стали приводиться къ новой присягѣ, Николаю. Такъ какъ отъ восшествія на престолъ того или другого великаго князя члены тайныхъ обществъ не ждали пользы для родины, если оно не будетъ связано съ актомъ, обеспечивающимъ народному представительству участіе въ государственномъ управленіи, то 14 декабря 1825 года наиболѣе дѣятельные члены тайныхъ обществъ явились вмѣстѣ съ преданными имъ частями войскъ съ протестомъ противъ неограниченнаго управленія Россіей. Возстаніе было быстро подавлено, сокрушено и вслѣдъ затѣмъ началось вопіющее по своей безчеловѣчности преслѣдованіе декабристовъ. По всей Россіи забирали лицъ, заподозрѣнныхъ какъ участниковъ въ заговорѣ; всѣ они отвозились въ Петербургъ, гдѣ ихъ сажали въ одиночное заключеніе, держали въ цѣляхъ. Скоро въ Петропавловской крѣпости не хватило мѣста, и обвиняемыхъ заточали подъ крѣпкими затворами въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Заключенныхъ содержали крайне сурово. Слѣдственная коммисія не отличалась по отношенію къ нимъ ни законностью, ни справедливостью вообще. Хотя правительствомъ, можетъ быть, и хотѣло придать своимъ дѣйствіямъ видъ законности, но дѣло велось съ полнымъ нарушеніемъ постановленій закона, предписаннаго порядка судопроизводства и всего того, что называютъ юридической этикой. Одинъ изъ главныхъ слѣдователей, графъ Бенкендорфъ, самъ потомъ признавался, что законность соблюдалась въ дѣлѣ декабристовъ „по возможности“, а это значитъ—могла и не соблюдаться. Въ воспоминаніяхъ подсудимыхъ имѣются доказательства нарушеній самыхъ основныхъ правилъ судопроизводства и справедливости въ этомъ дѣлѣ. Но какъ ни тяжелы были для обвиняемыхъ условія содержанія и допроса, многіе изъ нихъ выказали при этомъ чрезвычайное мужество и твердость убѣжденій. Многіе изъ нихъ старались какъ можно лучше выяснитъ въ своихъ отвѣтахъ бѣдственное положеніе народа; не о спасеніи своемъ думали они, давая свои показанія, а о томъ, чтобъ посильно послужить до конца благу отечества (В. Е. Якушкинъ).

О достиженіи въ то время завѣтныхъ желаній декабристовъ естественно не было и помина. Послѣ окончанія слѣдствія, 121 декабристъ были преданы верховному уголовному суду, (позднѣе число декабристовъ еще увеличилось новыми осужденными); судъ призналъ всѣхъ виновными и заявилъ, что по справедливости всѣ они подлежали бы смертной казни, но судъ, руководствуясь указами императора, раздѣлилъ преступниковъ на разряды, причемъ счелъ нужнымъ пятерыхъ изъ осужденныхъ поставить внѣ разрядовъ и приговорилъ ихъ къ смертной казни черезъ четвертованіе. Къ первому разряду было отнесено 31 человекъ и всѣ

они присуждены были къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы, остальные распределены еще по 11 разрядамъ и приговорены къ каторжнымъ работамъ, поселенію или ссылкѣ, и отдачѣ въ солдаты. Представляя свой приговоръ, верховный судъ призналъ, что есть степени преступленія, которыя не должны быть доступны милосердію, но Госудзрь все-таки смягчилъ приговоръ относительно многихъ, и смертная казнь преступникамъ перваго разряда замѣнена была пожизненною каторгою. Тѣ же пять преступниковъ, которые поставлены внѣ разрядовъ, не были помилованы, и только четвертованіе имъ было замѣнено повѣшеніемъ.

Съ этимъ задушеннымъ возстаніемъ русскихъ самоотверженныхъ людей, имѣвшемъ главной цѣлью установленіе представительства управленія въ странѣ, надолго были сметены не только попытки, но и сама мысль о лучшихъ началахъ народогосударственной жизни въ Россіи. Точно совершился полный разгромъ творческихъ силъ страны, и, вновь укрепленные, вновь какъ-бы освященные, восторжествовали произволъ и насилія надъ гражданами и цѣлымъ народомъ. Долгое царствованіе императора Николая I представляетъ собою сплошное, вопіющее издѣвательство помѣщиковъ надъ крѣпостными, корыстнаго чиновничества надъ всѣми классами населенія, и послѣдовательнаго приниженія гражданъ, истощенія ихъ силъ взяточничествомъ чиновниковъ и ихъ своеволіемъ. Когда Гоголь приступилъ къ изображенію тогдашней Россіи, онъ пришелъ въ смущеніе и ужасъ отъ той невообразимо противной картины, которая развернулась передъ его умственнымъ взоромъ. „Мертвыя души“ и „Ревизоръ“ указали собою все содержаніе тогдашней русской жизни. Великому бытописателю естественно пришлось „не роптать на зеркало“, когда, по пословицѣ, „рожа крива“. На первомъ планѣ въ то время стояло преисполненное умственной тупости и хищныхъ наклонностей, своевольное и въ то же время трусливое, развратное и лишенное всякаго нравственнаго чувства чиновничество. Поставленное властвовать надъ населеніемъ оно всю свою силу, власть сосредоточиваетъ исключительно на томъ, чтобы по возможности лучше высосать кровь этого населенія. За чиновничествомъ идетъ дворянство. Ему принадлежитъ не только русская земля въ качествѣ неотъемлемой собственности, но и люди, обрабатывающіе ее. Съ ними дворяне обращаются какъ со скотомъ, нарушая при этомъ всякія границы права и человеческого достоинства не только своихъ крѣпостныхъ, но и собственнаго. Владѣльцы помѣстій и крестьянъ, живя чужимъ трудомъ, воплощаютъ собою, какъ и чиновники разныхъ степеней нравственныхъ уродовъ, лихоимцевъ и бездѣльниковъ. Между чиновничествомъ и дворянствомъ высится воинство бранное, главная опора и гордость того времени. Его представители — нищія духомъ субъекты, потонувшіе во всякихъ порокахъ и, не смотря на это, задающіе тонъ въ важнѣйшихъ жизненныхъ областяхъ, какъ помѣщики, какъ главы семьи и часто какъ занимающіе въ видахъ „кормленія“ не